

И.С. Хугаев

1. ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА

Что такое власть? Какова природа власти? Верно ли воображал ее себе Вовка в Тридевятом царстве: «Хочешь – мороженое, хочешь – пирожное»?..

Власть часто понимают как свободу. Действительно, эти понятия тесно связаны. Но разве можно сказать, что царь – свободен? Отчего же он тогда, услышав Вовку, не продолжил спокойно красить забор, а в ужасе бросился к своему трону?

На поверку выходит, что чем выше стоит человек на общественной лестнице, тем меньше у него свободы. Свобода – как кислород, которого тем меньше, чем выше ты поднимаешься в гору. Лев Толстой писал: «Самая сильная, неразрываемая, тяжелая и постоянная связь с другими людьми есть так называемая власть над другими людьми, которая в своем истинном значении есть только наибольшая зависимость от них».

Таким образом, самый свободный человек в обществе – не царь, а нищий бродяга, не президент, а бомж. «Богатые тоже плачут»? – Богатые особенно плачут.

Но абсолютной свободы нет, конечно, и у бомжа. Абсолютная свобода и жизнь несовместимы. Абсолютно свободны только покойники. Вот чего ищут в смерти те, кто отчаялся в жизни...

Итак, Вовка понимает власть как волю, а царь понимает власть как долг. В этом-то понятии и заключается основное содержание всякой власти. Власть – не воля и право, а долг и обязанность.

Один новоиспеченный президент, когда его спросили, как он чувствует себя в новой должности, ответил не думая: «Интересная работа». За такие слова Думе следовало бы сразу инициировать процедуру импичмента. Потому что это никакая не работа (и уж менее всего интересная; интересная работа у страхового агента и дизайнера дачных участков), а крест.

БОРОДАТЫЙ АНЕКДОТ

И.С. Хугаев*

Но импичмента не последовало, и несколько позже этот президент был замечен на дискотеке. Естественно: ведь если это работа (пусть даже самая интересная), то от нее следует иногда отдыхать.

Открытость, гуманность, демократичность – это все самые современные требования ко всякой легитимной власти, и оспаривать их правомерность неразумно, если только мы не хотим прослыть ретроgrадами. Но, с другой стороны, так ли уж это хорошо, если царь красит заборы, а президент танцует на дискотеке (дело прошлое, конечно), причем танцует безнадежно плохо, и в его свите нет ни одного человека, который бы ему шепнул об этом на ухо?.. То есть, если он танцует, значит, он открыт; но если он открыт, то почему нельзя ему сказать, чтобы он не танцевал?..

2. ИДЕЯ ФИКС ГЕРОЯ

«Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимую силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам».

Так начинается рассказ Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот», который написан в 1862 году, и уже самое его вступление и заголовок заставляют современника отнестись к нему с полной серьезностью. Во-первых, современник любит анекдоты, особенно скверные, во-вторых, он тоже, как его предок в эпоху реформ XIX века, чувствует «порыв возрождения» и переживает «новые надежды».

Герой рассказа, генерал штатской службы Иван Ильич Пралинский, вполне еще молодой человек, как раз полон благородных идеалистических порывов, честолюбив, гордится тем, что слывет либералом, и считает своих начальни-

* Хугаев Ирлан Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского отдела ВШЦ РАН. E-mail: shmikse@rambler.ru

ков, людей более опытных, «ретроградами». Главной его мыслью (у всех героев Достоевского есть своя идея фикс) выступает мысль о гуманности как главном ключе к реформе, прогрессу и возрождению: «Гуманность первое дело, гуманность с подчиненными, памятуя, что и они человеки».

Ничего, что генерал немного «под шафе»; мысль прекрасная, и вся духовная, поэтическая и философская история человечества тому порука. И сердце читателя, как и самого автора, безусловно, на стороне г. Пралинского, а не его скептических собеседников. Но всякая «осанна», как говорил Достоевский, должна пройти через «горнило сомнений», и теперь, очевидно, этому убеждению Ивана Ильича суждено, по всем законам литературы, пройти проверку самой практической жизнью.

3. СОБЛАЗН

Генеральский чин Пралинского и орден на шее нужны как атрибуты и символы власти и положения, чтобы проблема произведения была прорисована четко и хорошо читалась, а композиция «анекдота», как мы сейчас убедимся, подчинена указанной выше задаче: посмотреть, как работает теория г. Пралинского на практике. Ведь он тоже, в известном смысле, отправился на дискотеку. Но все по порядку.

Итак, выйдя поздно ночью из гостей, где он и блеснул своей гуманистической тирадой, генерал вдруг обнаруживает, что его человека и кареты нет на месте. Проклиная Трифона в выражениях, которые уже плохо согласуются с его гуманными претензиями («мерзавец!», «подлец народ!»), он отправляется домой пешком.

Прогулка морозной зимней ночью действовала на него целительно. «Ему становилось как-то особенно приятно. К тому же люди под хмельком быстро меняют впечатления. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы...»

В одном из таких домиков Иван Ильич услышал вдруг звуки музыки и буйного веселья и осведомился у подвернувшегося кстати городского о причине такого шаша. Оказалось, что здесь играет свадьбу его подчиненный по службе, регистратор Порфирий Пселдонимов.

Тут-то и соблазняется г. Пралинский идеей показать себе и миру, какова его теория в действительности: «Что же!.. вот мы все говорим, говорим, а коснется до дела, и только шиш выходит. Вот пример, хоть бы этот самый Пселдонимов... Что бы с ним было, если б я теперь же вдруг взял и вошел? (...) Да-с. Мы все кричим о гуманности, но героизма, подвига мы сделать не в состоянии (...) Ну, что может быть про-

ще, изящнее такого поступка! (...) Да знаете ли вы, что Пселдонимов будет детям своим поминать, как сам генерал пировал и даже пил на его свадьбе! Да ведь я униженного нравственно подыму, я самому себе его возвращу... Ведь он десять рублей в месяц жалованья получает!..»

И генерал отважно направился к домику своего подчиненного.

4. ТРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Мы все – пророки и ясновидящие: провидение говорит с каждым из нас и делает нужные подсказки. Сложность состоит в том, что это язык не вербализованный; он сводится к знакам, которые мы не замечаем, или, заметив которые, не придаем им, однако, значения, как пустым случайностям и совпадениям. Но случай – это и есть божественный язык. Сколько раз каждый из нас имел возможность убедиться, что в той или иной ситуации нам были скрытые знамения, предостерегающие от тех или иных решений. К сожалению, для большинства смысл божественных намеков открывается тогда, когда бывает уже слишком поздно.

Едва генерал вошел в сени, как прозвенел ему первый звоночек: «Тут хоть и горел где-то в углу сальный огарок (...), но это не помешало Ивану Ильичу... попасть левой ногой в галантип, выставленный для остужения (галантип – холодное заливное из рыбы, мяса или дичи. – И.Х.). (...) Раздавленный галантип его было сконфузил, и на одно самое маленькое мгновение у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчас же? Но он почел это слишком низким».

А скоро и второй звонок прозвенел – а сразу за ним и третий: едва он вошел в комнату к танцующим, где стояло какое-то бешеное веселье, «мелькнул светло-голубой шарф какой-то дамы, задевший его по носу. За ней в бешеном восторге промчался медицинский студент с размечанными вихрем волосами и сильно толкнул его по дороге».

Словно само провидение гонит его вон из этого дома – а он как глухой, который пучит глаза и не понимает, чего от него хотят. Ведь, по большому счету, еще и теперь генералу не поздно «улизнуть», поскольку его еще не заметили.

5. ЭМАНЦИПАЦИЯ

Что ж? – если мы не понимаем увещаний, судьба берет в руки розги. Все пошло не так, как он рисовал себе, предаваясь тщеславным мечтаньям, стоя перед злополучным домом регистратора Пселдонимова. Поначалу он действительно, как и ожидал, всех сконфузил и смутил своим явлением, своим «гарун аль-рашидским

нашествием» и поверг в столбняк самого виновника торжества, и его усадили на диван и подвинули к нему стол, который был до того отставлен для танцев, но скоро положение начало выходить из-под контроля.

Пока он рассказывал, стараясь быть непринужденным (уже это давалось ему не так легко, как он воображал), историю со своим нерадивым Трифоном и невольной пешей прогулкой, которая его и привела в дом Пселдонимова, общество вышло из состояния почтительного оцепенения, *«а только все были дики и почти все про себя враждебно смотрели на персону, ввалившуюся к ним, чтоб нарушить их веселье»*.

Уйти вовремя генералу Пралинскому не удалось (он думал уйти победителем сердец еще до торжественного ужина, благословив молодых и пообещав прийти в следующий раз через девять месяцев, «хе-хе!»); не удалось именно потому, что он еще не преуспел, как надеялся, во всем неотразимом блеске обозначить *«нравственную цель»* своего визита. Иван Ильич *«терялся, он чувствовал, что ему... ужасно неловко... что почва ускользает из-под его ног, что он куда-то зашел и не может выйти, точно в потемках»*. Поэтому, когда перед ним поставили бутылку шампанского, он увидел в ней средство хоть как-то скрыть неловкость положения: *«Он прихлебнул, и все-таки оно показалось лучше, чем так-то сидеть. « – ...Но я надеюсь, – замечает Иван Ильич, – вы поймете, зачем я здесь... Ведь не вино же в самом деле я пить пришел. Хе-хе!...»*

Вскоре после того как он выпил здоровье молодых и с треском раздавил между пальцев грецкий орех (*«он уже решил быть до конца популярным»*) и пошутил с гостями на разные темы, *«все переменилось, как волшебством; все успокоилось и готовы были... визжать и плясать, как если бы неожиданного гостя совсем не было в комнате. Причиной тому был... слух, что гость-то, кажется, того... под шефе. И (...) стало вдруг необыкновенно свободно»*.

Естественно, чем свободней становилось общество, тем стесненней чувствовал себя генерал Пралинский. Он *«все более и более впадал в раздумье и в какое-то коловращение идей; в рассеянности он неприметно, но поминутно прихлебывал из бокала. Аким Петрович тотчас же и усерднейше ему подливал»*.

И вот уже *«какое-то горькое сомнение начало закрадываться в его душу: конечно, он очень любил... непринужденность; он желал, он даже душевно звал ее, эту развязность, когда они все пятились, и вот теперь эта развязность уже стала выходить из границ... Как же это? То пятились, а тут вдруг так скоро эманципировались!»*

Как будто нарочно для того, чтобы усугубить худшие тревоги Ивана Ильича, одна дама во

время танца *«зашпилила свое платье булавками, так что выходило, как будто она в панталонах»*, а проходивший мимо его стола студент, только что закончивший кадрили, в ответ на невольное замечание генерала *«Славно, молодой человек, танцуете» – «круто повернулся к нему, скорчил какую-то гримасу и, приблизив свое лицо к его превосходительству на близкое до неприличия расстояние, во все горло прокричал петухом»*.

6. РЕВОЛЮЦИЯ

Следует заметить, что Иван Ильич Пралинский болезненно мнителен и самолюбив, к тому же ведь он совсем не глуп, хоть идеалист. Теперь представьте себе, как глубоко он переживает эту стремительную *«эманципацию»*, эту череду более или менее откровенных, хоть в основном простосердечных, оскорблений и казусов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда общество расселось за праздничным столом, генерал *«протянул руку, сам налил огромную рюмку водки и выпил. Он никогда прежде не пил водки. Он чувствовал, что как будто катится с горы, летит... что надо бы удержаться, уцепиться за что-нибудь, но нет к тому никакой возможности»*.

Психологическая динамика Пралинского живописна и вместе с тем достоверна, как протокол. Когда человек оказывается в плачевном состоянии по воле случая или других людей – это полбеда; беда, если он сознает, что сам виноват; теперь его *«сердце... ныло! оно просилось на волю, на воздух, на отдых. Он ведь знал, очень хорошо знал, что еще давно бы надо было уйти, и не только уйти, но даже спастись. Что все это вдруг стало не тем, ну совершенно не так обернулось, как мечталось давеча...»*

В самом деле: *«Когда он входил, он, так сказать, простирая объятия всему человечеству и всем своим подчиненным; и вот не прошло какого-нибудь часу, и он, всеми болями своего сердца, слышал и знал, что он ненавидит Пселдонимова, прокликает его, жену его и свадьбу его»*. Недаром говорят, что от любви до ненависти – один шаг.

Крайнее смятение чувств генерала Пралинского выражается в его нелепых и, главное, противоречивых действиях: *«Я ведь зачем пришел? Я разве затем пришел, чтоб здесь есть и пить?» – спрашивал он себя, закусывая селедку»*. Или: *«...Иван Ильич хоть и налил было себе, но не хотел пить, и вдруг выпил как-то совершенно нечаянно»*. Знает, что пить нельзя – и пьет; знает, что надо «бежать» – и сидит. Сплошной *«бес противоречия»*.

Уйти он, конечно, не может главным образом потому, что еще не отыграл своей роли до самого

занавеса, до желательного «патетического момента», подобающего его сану: «...Что скажут? Скажут, что я по неприличным местам таскаюсь... Нет, надо так уйти, чтоб они все поняли, зачем я приходил, надо нравственную цель обнаружить (...) Они даже не уважают меня... Они так развязны, как будто бесчувственные... Да, я давно подозревал все молодое поколение в бесчувственности! Надо остаться во что бы то ни стало!.. (...) Заговорю о вопросах, о реформах, о величии России... я их еще увлеку! Да! Может быть, еще совершенно ничего не потеряно... Я вижу, они там пересмеиваются... Уж не надо мной ли, господи боже!». Поток сознания Ивана Ильича заслуживает особого внимания как поток, помимо прочего, пьяный; прецедентов в русской литературе, пожалуй, и нет.

Глубокий и невыносимый стыд, ненависть к окружающим и бессилие изменить развитие «сюжета» закономерно приводят к тому, что генерал Пралинский испытывает приступы хоть и понятной, но все же мелочной, малодушной паранойи; он уже уверен, что кругом враги, и все они в заговоре между собою. Ведь не случайно же в него бросаются хлебными шариками!

Заметим между прочим, что алкоголь в сюжете Достоевского несет вспомогательную функцию; это вовсе не причина происходящих сцен, а их катализатор. Если бы генерал Пралинский всю жизнь не пил ни шампанского, ни водки, он бы пережил те же самые разочарования, только, возможно, в более безобидном и щадящем, пролонгированном режиме, – но сущность этих испытаний была бы та же.

И уж, конечно, рано или поздно они достигли бы своего «патетического момента», который в рассказе естественным образом совпадает с высшей и последней стадией опьянения, когда, вопреки даже последовательному течению событий и эмоций, Ивану Ильичу захотелось плакать, и он вдруг «...снова начинал любить, любить всех, даже Пселдонимова... Ему захотелось вдруг обняться с ними со всеми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать им все откровенно (...) «Я откровенностью их дойму. (...) я их покорю неотразимо... и все они будут любить меня, и я выйду со славою!..»

Скоро, запинаясь и брызгая слюной, он громко повел свою патетическую речь: «– Россия... да, именно Россия... одним словом, вы понимаете, что я хочу ска-ка-зять... Россия переживает, по моему глубочайшему убеждению, гу-гуманность...» "– Гу-гуманность!" – раздалось на другом конце стола. "– Гу-гу!" "– Тю-тю!..»

Будучи несколько раз таким хамским и издевательским образом прерван, генерал Пралинский окончательно скисает: « – ...то есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между

тем я люблю вас всех... чем я унизил себя? (...) Порфирий, обращаюсь к тебе... Скажи, если я пришел... да... да, на свадьбу, я имел цель. Я хотел нравственно поднять... я хотел, чтоб чувствовали. Я обращаюсь ко всем: очень я унижен в ваших глазах или нет?»

Наконец, эмансипация, как это неизбежно случается, перерастает в революцию. Молодой сотрудник сатирического листка «Головешка», присутствующий между гостями, вредный, амбициозный и не более трезвый, чем генерал Пралинский, вдруг «с сверкающими глазами стал отвечать от лица всего общества.»– Да-с! – закричал он громовым голосом, – да-с, вы унизили себя, да-с, вы... ретро-град!.. Вы пришли ломаться и искать популярность! Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья, и я подозреваю, что вы один из тех начальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчиненных!.. Да, да, да!"»

Буяна, конечно, вытолкали, но Иван Ильич был безутешен: « – Нет, нет!.. я уничтожен... я пришел... я хотел, так сказать, крестить. И вот за все, за все!»

От избытка чувств и промилле Иван Ильич сначала ударил лицом в бланманже, которое перед ним было заботливо поставлено, а потом рухнул под стол – и захрапел. «Это, – говорит Достоевский, словно желая вызвать милость к падшим, – бывает с непьющими, когда они случайно напьются. До... последнего мгновенья сохраняют они сознание и потом вдруг падают как подкошенные».

Закончилось тем, что генерала Пралинского, в виду его тяжелого состояния и слишком позднего времени хозяева оставили у себя, а поскольку приличного для такой важной особы места в доме регистратора Пселдонимова не было, то его положили на брачном ложе (а молодым постлали на стульях).

На этой постели, предназначенной «для райских наслаждений», генерал, с которым случилось ужасное расстройство желудка, пережил прямо адские муки, и до самого утра мать жениха, простая русская баба, утешала его, как ребенка, накладывала ему компрессы и выносила за ним тазики: луч света в темном царстве; тот самый народ, которому генерал хотел обозначить нравственную цель и показать пример гугуманизма.

7. ИНСТАГРАМ И СТО ГРАММ

Это еще не вся история. Эпилог смотрите у самого Достоевского (вообще, всегда лучше, конечно, читать первоисточники, чем чьи-либо конспекты). Но основную часть сюжета мы в глав-

ных динамических и психологических пунктах исчерпали, и уже можем заключить, что Иван Ильич опростоволосился потому, что на самом деле народа не любил и не знал, а только искал любви себе, то есть хотел, чтобы его любили.

Сегодня на слуху слово «популизм». Генерал Пралинский – типичный популист: жажда дешевой популярности подобно хмелю застила ему глаза и лишила его такта и бдительности. Достоевский, помимо остального, показывает, что популизм – всего лишь особая форма тщеславия, ханжества и чванства.

Популистов сегодня очень много развелось; такта и бдительности не хватает многим политикам. Танцующего президента мы взяли только как апофеоз этого явления. Очевидно, что народные комментарии на эти танцы, размещенные в свое время в ю-туб, гораздо чувствительнее тех хлебных шариков, которыми гости бросали в Ивана Ильича, – а есть там шарики и вовсе уже не хлебные... Не сомневаюсь, что и президенту были знамена, чтобы он не ходил на ту дискотеку, но он ими пренебрег...

Когда я смотрел, как танцует президент, я испытывал неловкость и за него, и за себя; у меня было такое чувство, словно я не смотрю, а подсматриваю и словно становлюсь участником какого-то кощунства. А потом я осознал, что отчасти в этом и камера виновата: заметьте, что танцующего президента снимают только со спины. Он ли отворачивается от камеры, или операторы обходят его с тыла – не важно: важно, что все, включая танцора, чувствуют и понимают, что президент не на месте. Власть и свобода – далеко не одно и то же. Президент, в

частности, не располагает свободой танцевать где и как хочет.

Такие хождения в народ никуда не ведут. Вспомните и другого президента, президента уже не существующего государства, этого простодушного «человека толпы», который повадился разъяснять государственную политику случайным прохожим на улице.

Власть – это не интересная работа, а тяжелый труд. Кто думает иначе, тот власти не достоин.

Власть сакральна, и мне представляется профанацией даже привычка некоторых ее представителей пользоваться соцсетями. Власти не стоит злоупотреблять открытостью. Я называю это властным эксгибиционизмом.

Словом, дистанция необходима. Ей-богу, иногда мне кажется, что любой начальник просто обязан быть немного «вещью в себе», то есть, самодуром; самодурство – атрибут харизмы.

Конечно, как я уже сказал, исходные декларации Ивана Ильича благородны. Не зря ведь Кондратий Рылеев писал задолго до Достоевского: «...имеющий намерение возбудить к себе страх над бедными только рабами владычествовать будет, и потому великих дел от подданных своих ожидать себе не может. Имеющий же дарование возбудить к себе любовь будет управлять сердцами своих подданных (...) Власть имущий тем паче превышает, чем более равняет себя с ними».

Прекрасно. Я тоже в это верю. Но давайте, ваше превосходительство, отличать гуманизм от гугуманизма и не пить с подданными шампанского, во всяком случае за их счет. И уж боже вас упаси выпить после шампанского водки.

A CORNY JOKE

I.S. Hugaev

Ph.D., a leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center RAS.

